

В. А. ПРОХОРОВА

(Размышления
наивного читателя над статьей академика)

Вестник чувашской национальной академии. №2 1994

Употребляй свою
жизнь на изучение истины- в этом ты должен быть энергичен.«Авеста».

История подобна памятному камню, на котором стерлись письмена: какие-то знаки видны отчетливо, о каких-то остается только догадываться. И чем древнее камень, тем менее понятны надписи и тем больше простора, как для догадок, так и для предубеждений. Науке нелегко быть точной, когда речь идет о прошлом. А от предубеждения до заблуждения, как известно, всего шаг.

В сложных научных проблемах есть узловые вопросы, не ответив на которые можно как угодно складывать теоретические конструкции, но так и не завершить их. В чувашеведении один из таких больших вопросов—проблема этногенеза. Завершенная ли конструкция — схема «огуро—булгаро—чуваша», признаваемая ныне многими «апробированной»? Если бы так!

Да, если бы так, сократился бы простор для появления все новых гипотез, вызывающих у ряда специалистов—историков, языковедов, мягко говоря, раздражение.

Не «наше смутное время» породило интерес в умах людей' к прошлому. Отнюдь. Этот интерес всегда был, есть и всегда будет. Это—основа патриотизма, национального самосознания. Без такого интереса не было бы даже фольклора — не бытовали бы легенды и мифы, исторические предания и героический эпос, даже сказки — ведь в них тоже отразилась история. Ныне этот интерес обострился, и тому есть целый ряд причин. Однако здесь речь не о них. Интерес к прошлому — естественное и безусловно положительное явление. Как подчеркнул академик В. И. Вернадский, «...осознанность народом своего бытия есть, быть может, самая большая сила, которая движет жизнь». Потому, видно, любые завоеватели, как знаем из истории, прежде всего стремились, осознанно ли, неосознанно ли, уничтожить у побежденных память—разрушали города («чтобы камня на камне не осталось»), сокрушали памятники, остервенело жгли книги, возводили курганы из черепов: нет памяти — нет и народа. Без сомнения, посягательство на памятники — и материальные, и духовные — посягательство на память народа, в конечном итоге на само существование народа.

Жизнь науки, участь научного творчества — в непрерывном круговороте поисков, находок, сомнений, открытий, новых поисков—в стремлении к более стройным теориям. В этом и состоит привлекательная особенность познания, об этом более чем полтора века назад российский ученый Карл Бэр (естествоиспытатель, географ, основателей Российского Географического общества) писал: Наука вечна в своем источнике, не ограничена в своей деятельности ни временем, ни пространством, неизмерима по своему объему, бесконечна по своей задаче, недостижима по своей цели» (1).

Нагляднее сказал об этом же другой мудрый человек: «Знание подобно шару: чем больше шар, тем больше у него точек соприкосновения с неизвестным» (Спиноза).

Наука — как само общество: общество не может оставаться на месте, всегда развивается, и наука не может оставаться на месте. В противном случае это уже не наука, а пути в ногах у науки.

Есть ли рациональные доводы, которые могли бы убедить нас в том, что не может быть оспорена концепция «огуро—булгаро—чуваши», сиречь гипотеза «чуваши тюрки, их прародина – Центральная Азия»?

Называю это утверждение гипотезой, хотя в статье, опубликованной в журнале «Халах шкуле»(2), оно характеризуется «Единственной истиной».

Археологических памятников, свидетельствующих о выходе чувашей из Центральной Азии, естественно, нет. Авторы огурской концепции оправдывают это тем, что обитатели центральноазиатских просторов были, мол, номады. А за отсутствием таковых «...при разработке проблемы этногенеза чувашей необходимо привлекать археологический материал, добытый при раскопках древнетюркских памятников»,—утверждал в свое время В. Ф. Каховский (3) (подчеркнуто мной.— В.П.). О неправомочности «присвоения» того, что нам не принадлежит, наверное, говорить не надо. Кто из нас, чувашей, о Пазырыкских курганах, к примеру, или о Ноин-Ула и пр. с легким сердцем осмелится сказать: «се мое и то мое же»? Это было бы по меньшей мере нелепо.

Надо полагать, аргументом в пользу именно «центральноазиатской» идеи в указанной статье в журнале «Халах шкуле» приводятся такие процентные соотношения в антропологических данных: «В настоящее время у 10,3 процента чувашей преобладают монголоидные черты, причем около 3,5 процента из них составляют относительно «чистые» монголоиды, 68,6 процента относятся к смешанным монголоидо-европеоидным типам...» (4). Достаточно ли убедителен такой довод? Послушаем специалистов. Антрополог М. С. Акимова пишет: «В эпоху бронзы на территории современной Чувашии... известны черепа с некоторыми монголоидными признаками. ...В формировании современных чувашей принимали участие различные европеоидные и монголоидные компоненты в основном местного происхождения. ...Как известно, ярко выраженный монголоидный тип на соседней с Чувашией территории представлен в погребениях ананьинской культуры, вносящейся к первому тысячелетию до н. э.» (5) (подчеркнуто мной.— В. П.).

Почти то же самое говорит и другой антрополог, Т. И. Алексеева: «...Возможно, что появление монголоидности в Чувашии датируется эпохой великого переселения народов рубежа нашей эры; возможно также, что оно связано с волной более раннего переселения из Волго-Камья, где... в первом тысячелетии н. э. существовало монголоидное население с очень незначительной примесью европеоидных черт. Второе предположение более вероятно, так как некоторые особенности выраженные в современном населении, обнаруживаются и в населении ананьинской культуры» (6).

Итак, антропологический материал, как и археологический, не может быть принят в качестве абсолютного аргумента в пользу центральноазиатского происхождения нашего народа. Разумеется, было бы ошибкой также не принимать во внимание монгольское нашествие в XIII веке, нахождение чувашей в составе Золотой Орды и т. д.

Обратимся к другому категорическому утверждению многоуважаемого автора: «Невозможно серьезно относиться к заявлениям о том, что чувашаи — вообще не тюрки. Кто же они, если в чувашском языке... 98 процентов словарного фонда составляют тюркские слова (посмотреть бы, в чьей работе приведены такие подсчеты. Очень интересно! Но автор не указывает источника.— В. П.)? Ведь этнос прежде всего определяется языком» (7).

Довод, без сомнения, серьезный. Но если подобным образом только рассуждать, то болгары (дунайские) — никто иные, как исконные славяне, поскольку язык у них славянский. Американцы, индейцы и мн. др.— англичане; мексиканцы, кубинцы и вообще латиноамериканцы— испанцы и т. д. И как, например, считать: если кто из чебоксарцев, скажем, не владеет чувашским (мало ли таких!), то он уже и не чуваш, будь даже его родители—чувашаи? Не слишком ли прямолинеен такой аргумент для подкрепления «Единственной Истины»?

Иных исследователей словно гипнотизирует это категорическое определение «чувашаи — тюрки». Они хотят, очевидно, представлять себе прежде всего этническое целое, которое как будто должно отразиться в единстве и языковых, и культурных, и прочих особенностей, вплоть до единства археологических древностей. При этом недооценивается сложность социальной организации древнего общества, его многообразные связи, предшествующая тысячелетняя история. «Чистых» племен, тем более народов нет. Это противоестественно. Можно ли представить себе Волгу, которая от Селигера до Каспия несла бы только свою — «чистую» - воду? Была бы она тогда величественной Волгой? Как Сура, Цивиль, Кама, Ока — сотни других больших и малых притоков несут свое богатство в один поток и в могучей реке уже неразлично, где чья струя,— так и различные племена, сплотившись,— поначалу, надо полагать, добровольно, а затем уже «притягиваясь» к крупным объединениям,— становились народом, вставали на путь государственности и обретали стремление к расширению сфер своего влияния. Глобальные союзы племен скрываются за этнонимами «сарматы», «скифы», «анты», «гунны» и другими. Что собой представляло государственное образование «Великая Болгария»? Не что иное, как союз племен, объединившихся вокруг «лидировавшего» племени — болгар под предводительством Кубрата. То же и в Волжской Болгарии под общим этнонимом «болгары» подразумевались самые разные племена — и пришлые, и автохтонные.

В том, безусловно, и была сила, преимущество государственных образований, что при объединении, содружестве разных племен, при взаимном обогащении культур могли создаваться наиболее благоприятные условия для технического и социального прогресса — развития разнообразных форм ведения хозяйства, контактов с окружающими племенами, появления новых форм общественных отношений, достижения более высокого культурного уровня. Словом, синтез культур при постоянных межплеменных контактах, генетическое смешение различных человеческих популяции, биологический и социальный отбор в мобильной и разнообразной, не только при миграциях, среде — все эти факторы были плодотворными для сложения этноса и в дальнейшем оседания населения в определенном регионе.

Ручьи и реки, сливающиеся в мощную речную артерию, стремятся к ней с самых разных мест: одни сбегают с гор, другие берут начало с родников, болот, озер и т. д. Так и в «комплексе» племен и племенных союзов отдельные компоненты могли «брать начало» и с Востока, и с Запада, и с Севера, и с Юга. Нет никаких оснований полагать, что предки чувашей — не выходцы из разных частей света, а обосновались в Волго-Камье, прикатившись из Центральной Азии неким единым монолитом. Богатство языка, культуры, да и весь облик народа — физический и духовный—говорят против подобного предположения.

Полемику порождает односторонняя «тюркоустремленность» чувашеведческой науки. В общем-то это по-человечески попятно: «тюркскость» в первую очередь бросается в глаза. И язык, и некоторые характерные стороны жизни, как и регион обитания, объединяют чувашей с тюркским миром. А богатый вклад в тюркологию

наших крупных языковедов тем более склоняют общее внимание именно к этой стороне науки.

И все же пора, наверное, обратить взор и на другую сторону — пристальнее рассматривать достоинства и особенности следующих, не менее привлекательных для исследования компонентов, вошедших в состав чувашского этноса. В ряде печатных изданий республики уже появились некоторые публикации о далеких предках современных болгар и чувашей — о праболгарах, об их прародине в бассейне современной реки Зеравшан (в древности имевшей название Согд), на землях древних Бактрии и Согдианы, горах Имай (или Имеон, совр. Памиро-Алайское нагорье).

На территории Европы имя «болгары» в письменном виде впервые появляется в одном латинском Хронографе, упоминаемом многими авторами как Анонимный хронограф, экземпляр которого (в нем. изд.) имеется в Российской Государственной библиотеке в Москве (8). Этот памятник, относящийся, судя по тексту, особенно древней его части, примерно к 220—230 гг, называет болгар под их собственным именем среди древнейших этносов Востока: эламитов, ассирийцев халдеев и др. Другой старейший исторический документ — армянская география «Ашхарацуйц» (VII в.), по материалам, относящимся к VI веку, также называет болгар среди исконных обитателей средней Азии и показывает район, который занимал этот парод, к западу от Бадахшана*. «В Скифии, — сообщает Ашхарацуйц, — пять стран, из коих более известны Согдиана и Сакастан. В этих областях обитают до 15 народов, занимающих пространство между Туркестаном и Ираном, у подножий горы Имай... Один из 15-ти народов массагеты, царица которых умертвила царя персов Кира, за ними идет народ «булх» (подчеркнуто мной. — В. П.), после них, на северо-западе, хорезмйцы... А остальные (из 43 других народов В.П.) носят такие варварские названия, что излишне их упоминать» (9).

Таким образом, древним авторам болгары были известны и фигурировали в их сочинениях под своим собственным именем задолго до огузов, тюрок и пр., за много веков ранее их.

Говоря о древнейшей родине предков болгар (добавим: и чувашей), уже упомянутый здесь мной автор — болгарский исследователь Петър Добрев — ссылается, кроме названных, также на арабские, сирийские, китайские, индийские и другие письменные источники. В его книге «Прабългары: произход, език, култура. Нов прочит» (1991) освещены вопросы: где, в какой части света, а именно между Каспийским морем и Северной Индией — находились места обитания и жизнедеятельности древних болгар — область Булгар, древняя Балхара (Болор, Палгар (10); горная область Булгар"; перевал Булгар (11) и т.д.); в окружении каких соседей находились болгары до и после переселения их в Европу; каковы были пути расселения болгар на восток — в Северную Индию и на запад — в Европу; высокий уровень праболгарской культуры и т. д. (12)

«...В течение долгих веков, обитая на территории Средней Азии, древние болгары были окружены главным образом народами, говорившими на языках кавказского, а в более позднее время и иранского типа», — пишет П. Добрев. Подчеркнув, что во II—I тысячелетиях до н.э. соседями древних болгар были более всего народы кавказского и иранского типа, он далее отмечает: «В силу довольно особенного совпадения... те же народы... оказались их соседями и после их переселения в Европу. При переселении в Европу древних болгар сопровождали их давнишние соседи по Средней Азии» (13). Среди этих переселенцев, очевидно, нужно искать и сувар. Хотя П. Добрев не упоминает их среди соседей, а затем попутчиков древних болгар их миграциях, но ряд свидетельств их пребывания в указанном регионе в Средней Азии, а затем и в других местах, вместе с болгарскими, имеется. И далее: «...Земли, где они обитали в древности,

находились в непосредственном соседстве с некоторыми из древнейших восточных цивилизаций — эламской, шумеро-аккадской, ассирийской. Прародина... болгар оказалась расположенной в одном из цивилизованных районов Древнего мира, и это имело очень существенное значение для их становления как народа» (14).

Несправедливо было бы утверждать, что чувашскими учеными иранский аспект игнорировался. Но не историки, а языковеды, признавая большую роль арабско-персидского компонента в чувашском языке, не выпускали его из поля зрения (15). Однако, не будучи историками, они, естественно, не претендовали и не должны были претендовать на историко-культурологические выводы. Лишь Н.А. Андреев (Урхи), поставив себе целью «... в более широком плане изучить вопросы этнокультурных и языковых связей чувашского народа с ираноязычными народами, исследовать вопрос о влиянии древневосточной... культуры на чувашскую культуру», убедившись, что в чувашском языке «пласт заимствований из древнеиранского (персидского) языка и лексических параллелей» очень древен, пришел к выводу, что «культура Ирана и Средней Азии оказала значительное влияние на материальную и духовную культуру, идеологию и быт предков чувашей.

Чуваши восприняли религиозное учение Заратуштры — зороастризм... В этническом составе чувашского народа, несомненно, присутствует ираноязычный компонент» (16).

Намерения этого исследователя соответствовали большому счету, предъявляемому к этому аспекту исторической науки, ибо, как писал С. А. Токарев, «...выяснить происхождение народа как такового значит прежде всего попятить, как, когда, из каких источников сложился этнический облик данного народа со всеми особенностями его культурно-бытового уклада, как постепенно в ходе исторического развития менялся этот этнический облик...» (17) Следовало ли чувашеведению этому требованию? Считаю, что нет. Вот хотя бы пример толкования «особливости» языка чувашей среди других языков.

Все без исключения авторы, кто хоть несколько слов писал о чувашском языке, говорят о его древности. «Чувашский народный разговорный язык относится, по общему признанию лингвистов, к языкам весьма древней формации...— констатирует П. А. Баскаков.— Булгарский и хазарский языки — древние языки болгарской группы— вместе с современным чувашским языком наиболее полно сохранили свои древние черты», т. е. это языки, «генетически связанные с древнейшим периодом алтайской общности, периодом единого языка-основы, из которого путем дифференциации образовались тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки...» (18) (подчеркнуто мной.— В. П.). Из данного тезиса следует, что болгарский язык появился на таком раннем этапе, когда тюркских и т. д. языков (следовательно, и тюрков, естественно) в природе не существовало. В подтверждение этой мысли Баскаков цитирует мнение акад. В.В. Бартольда о том, что характерные черты языков турецкой группы...» (19 (Но далее, независимо :>! этого, вопреки своему первому тезису, Баскаков заключает, что «булгарский, хазарский и чувашский языки принадлежат к тюркской группе языков...» (20 (. Выходит, следовательно, что болгарский эпоху, когда еще не было тюркских языков (поскольку дифференциация «языка-основы» еще не происходила), и тем, что в то же время он тюркский язык. Но каким образом, скажите на милость, болгары могли возникнуть как тюрки, когда тюркские языки еще не существовали («ведь этнос прежде всего определяется языком» (21) ?!

Как известно, ведущие ученые-тюркологи XIX века не торопились причислять болгар к тюркским народам: с одной стороны, констатировалось значительное своеобразие чувашского языка, с которым праболгарский имел многие точки

соприкосновения; с другой — ни в одном из аутентичных исторических источников раннего Средневековья, в которых говорится о древних болгарях, они не названы в собирательном названии «тюрки». «...Оттуда к северу живут племена тюрков и болгар», — пишет Ашхарацуйц (VII в.); «За (Каспийскими) воротами (живут) бургары (болгары) со (своим) языком... у них есть города... и аланы, у них пять городов» (22) (Захария Ритор, сер. VI в.) и др. Ахмед ибн Фадлан (X в.) несколько раз назвал болгар собирательным именем «сакалибы», их царя — «царем сакалибов» и «царем Булгара», но нигде в описаниях этого путешественника волжские болгары не названы тюрками. Между тем он хорошо знал тюркские племена и даже описал некоторые интересные сцены из их жизни. Очевидный компромисс, допущенный при включении болгарского языка в систему тюркских языков, не мог не вызвать у ряда ученых нашей страны и за рубежом критической переоценки тюркской теории. Не беру на себя грех солгать, что знакома с разработанной известным ориенталистом К Менгесом новой классификацией тюркских языков, однако читала, что заключительный вывод его таков: языки чувашей и древних болгар «не есть часть собственно тюркских языков», что характерная особенность так называемых болгарских языков — наличие в них значительного слоя неалтайских слов и особых слов «неизвестного происхождения» (of unknown origin).

Примером углубленного исследования языков названной группы является монография акад. М. Р. Федотова «Чувашский язык в семье алтайских языков» (23), где чувашский язык исследуется не в рамках ограниченных позиций тюркской теории, а с более широкой точки зрения, позволяющей лучше проследить его внутреннюю специфику. Очень высоко оценили монументальный труд нашего выдающегося лингвиста болгарские ученые — М. Чальков, Ю. Кирилова, Р. Сефтерски, П. Добрев, С. Дончев, М. Николова, Г. Михайлова и др. Р. Сефтерски и Ю. Кирилова откликнулись на него пространными рецензиями. Лингвист Момчил Чальков в личной беседе со мной выразил мнение, что обширный материал монографии М. Р. Федотова подводит к заключению, что чувашский язык, со всеми его особенностями и богатством, — язык дотюркский, и жаль, что такой вывод автором монографии не высказан. Повторяю, М. Чальков сказал что и беседе, устно. Опубликовал ли уважаемый лингвист что-либо по этому поводу, мне неизвестно. Тем более теперь нелегко это узнать, когда контакты с болгарскими друзьями, к сожалению, очень затруднились. (24)

Словом, нашим известнейшим ученым в его многолетнем труде прекрасно достигается его главная цель — найти и показать «что», «откуда», «как». Но «для души» наивному читателю хочется также узнать «почему?» Почему, в отличие от большинства тюркских, в чувашском ограничено использование звонких согласных? И даже так называемые полувзвонкие, как утверждает акад. Б. А. Серебренников, появились в нем в «относительно позднее» время: «Интервокальные глухие согласные в современном чувашском языке подвергаются соноризации, ср. чув. усă «польза» произносится «уза», сухал «борода» произносится суһал... Это явление, по-видимому, относительно позднее и произошло, вне всякого сомнения, уже на территории современного местожительства чуваш». В другом месте: «...Довольно сильная деформация звукового облика чувашского языка представляет продукт относительно позднего времени. Все это изменение, вероятно, произошло в промежутке времени между VII и VIII веком нашей эры, когда чувашаи уже находились на территории теперешней Чувашской Республики»

Стало быть, указанная особенность чувашского языка ранее проявлялась еще сильнее? Неужели нет объяснения этому феномену? Но к этой мысли обращусь немного далее. А пока о том, как соблюдается требование учитывать, из каких источников сложился этнический облик (25) народа «Тюркоязычные предки чувашей — болгары (сувазы)» — появились в Среднем Поволжье в VII—V говорится в «Истории

Чувашской АССР», и далее идет о хунну (гуннах). Из этого должно следовать, таким образом, что древнейшая часть истории наших предков—история хунну. (26) Если о болгарях и сувах здесь написано более или менее развернуто, то другие племена лишь вскользь названы: «В числе болгарских племен упоминаются также эсегель, темтюзи и берсула (вероятно, барсилы, бывшие соседями сувар на Северном Кавказе)» (27).

И это—все. Правда, эсегели упомянуты еще в одном месте: «...В 1220 году... был разрушен Ошель — центр племени эсегелей» (28).

Если такие племенные названия — берсула, эсегель—сохранились в истории (а сколько их бесследно кануло в Лету!), это должно значить немало. Ибн Русте называл их, например, даже ранее болгар: «...Болгары делятся на три отдела: один зовется Берсула, другой Эсегель, а третий Болгар» (29). Анонимный персидский географ X в. писал о болгарях: «Их три группы: бахдула, ишкиль и булгар...» (30) Опираясь в рассмотрении истории берсула-барсилов на описания армянских, греко-византийских, сирийских, арабских источников, автор статьи «Вятка и Булгар» Д. Захаров приходит к выводу, что «часть племен Волжской Болгарии принадлежала персам и тем иранцам, из среды которых происходили персы» (31).

Этнические корни барсилов, как считают историки, обнаруживаются на Древнем Востоке — на территории Передней Азии и относятся ко времени существования «великих царств—Вавилонии, Ассирии, Урарту, Элама, т.е. ко II—I тысячелетиям до н.э., в особенности к началу I, когда Передняя Азия подверглась значительной иранизации.» (32) Не без оснований, выходит, Н.А. Андреев (Урхи) отмечал, что «в этническом составе чувашского народа, несомненно, присутствует ираноязычный компонент» (33).

Столь же глубоки исторические корни и эсегелей, также связанные с Древним Востоком — с народами Передней Азии, с Вавилоном др.

От названия второго по частоте упоминания племени — от слова сувар—через вариант суваз выводят название чувашей: «Этноним чуваш происходит от племенного названия суваз (сюзаз)» (35), утверждает В.Д. Димитриев. При этом считается сувар тюркизмом. Вначале мной уже упоминалось, что есть некоторые материалы, свидетельствующие о возможном пребывании этого племени в том же регионе, где обретались праболгары, т.е. на юге Средней Азии и в Северной Индии. Но этот сюжет требует отдельного, очень основательного, изучения. Д. Захаров также считает, что индоиранское толкование этнонима сувар убедительнее (36). Возможно, он имеет в виду (из дальнейшего его повествования можно это предположить), что «слово *suga* со значением солнца происходит от корня *svag*, *sūra*- светить и имеет... еще более простое слово *svag*.— свет, солнце, небо» (37). Или: «*svasar*» от корня «*svas*»: (38). В таком случае, т.е. если подобное толкование приемлемо, цепочка сабир — сувар — суваз, должна быть пересмотрена в другом ракурсе. Но и в этих этимологических экскурсах, возможно, нет необходимости, поскольку этноним саувиры — название народа, населявшего страну Саувира в нижней течи реки Инда (ныне это территория государства Пакистан), упоминается в «Махабхарате» (39), одном из ценнейших памятников индийского героического эпоса, относящемся ко 2-й половине II тысячелетия до н.э. Мало этого, упоминаемая в Ригведе и других памятниках народность савара в современной Индии сохранила «свой язык и самобытную культуру». «Упорство, которым наименование савара повторяется в древней индийской литературе, наводит на мысль, что савара когда-то были важной и широкораспространенной этнической общностью» (40)". Есть ли что-нибудь общее между этими названиями, или это просто похожие этнонимы, в этом, повторяю, можно разобраться лишь специальным исследованием.

Теперь, когда материал размышлений приблизил нас в пространстве — к индоиранской географической области и во времени ко II—I тысячелетиям до н.э., возвращаюсь к мучающему меня вопросу по фонетике чувашского языка.

Акад. В.Д. Дмитриев пишет: «...Предки чувашского народа, как выяснено современной исторической наукой (подчеркнуто мной – В.П.) были добрыми славными людьми...» (41) Если историческая наука и в самом деле прилагала какие-то усилия для выяснения этой Истины, то она ломилась в открытую дверь: все человечество обязано существованием добрым и славным предкам. (И какой народ может сказать, что у него были дурные предки?) О наших предках могу также сказать, что они были прежде всего мудрыми и, в отличие от нас, не делали ничего сглупа, необдуманно, необоснованно. Вся их хозяйственная. Общественная жизнь, вся культура была созвучна их миропониманию, мировоззрению, религиозно-философским представлениям. Во всех своих действиях, поступках, обычаях, обрядах, поклонении своим богам, жертвоприношениях, как и во взаимоотношениях в семье и в обществе они строго руководствовались этими представлениями. Их молитвословия, пение, танцы, музыка при исполнении обрядов, их игрища были глубоко содержательны и связаны с мифами, древними традициями. Каждый участник таких мистерий ощущал свою причастность к родной культуре, к своему племени, к окружающей природе. Сколько глубокого смысла в таком, например, ритуальном тексте: «Да доставлю я пением бессмертие богам, доставлю пением возлияние предкам, надежду — людям, траву и воду — скоту, небесный мир — жертвующему, пищу — самому себе». При этом всегда и непременно сознавалась грозная сила такого человеческого феномена, как язык. «В наш век радио и газет, когда сказанное или написанное слово размножается миллионными тиражами и без разбору швыряется толпе, его ценность настолько снизилась, что сегодня трудно даже представить то благоговение, с которым люди более духовных времен или более религиозных цивилизаций относились к слову, являвшемуся для них кладезем священной традиции и воплощением духа... Современные люди неспособны даже представить себе, сколь глубоко воспринималась магия слова и речи в древних цивилизациях и сколь огромно было ее влияние во всех сферах жизни, особенно — в религиозных аспектах... Слово в час своего рождения было средоточием силы и реальности, и только привычка низвела его на уровень обычного условного посредника выражения» (42). Вера в магическую силу произнесенного придавала огромное значение единому слову, и не только слову, даже звуку речи.

Приведенные здесь прелестные стихи — из Чхандогья упанишады, памятника древней индийской словесности. Ирядом с этим стихом — как будто бы ответ на мое утомительное «почему?» Почему чувашский язык избегал использования звонких согласных? Привожу эти строки:

«Все гласные звуки — воплощения Индры, все свистящие — воплощения Праджапати, все согласные — воплощения смерти. И если [кто-нибудь] будет порицать его за гласные звуки, пусть он скажет тому: «Я отдался под защиту Индры—он ответит тебе».

И если [кто-нибудь] будет порицать его за свистящие, пусть он скажет тому: «Я отдался под защиту Праджапати — он раздавит тебя». И если [кто-нибудь] будет порицать его за согласные, пусть он скажет тому: «Я отдался под защиту смерти — она сожжет тебя».

Все гласные звуки следует произносить звучно и сильно, [с мыслью]: «Пусть дам я силу Индре». Все свистящие следует произносить, не глотая и не пропуская звуков, открыто [с мыслью]: «Пусть отдам я себя Праджапати». Все согласные следует произносить медленно, не сливая их друг с другом, [с мыслью]: «Пусть сберегуя себя от смерти» (43) (подчеркнуто мной.—В. П.).

Что за памятник—Чхандогья упанишада? Она принадлежит к одному из сборников Вед — так наз. Самаведе. Как известно. Веды (древнейшие из дошедших до нас памятников индийской литературы собрания священных текстов, которые обычно классифицируют на несколько разделов. До настоящего времени дошли четыре таких сборника: Ригведа (сборник гимнов — молитвенных обращений к богам), Самаведа (сборник песнопений), Яджурведа (сборник жертвенных формул) и Атхарваведа (сборник магических формул). Абсолютная хронология ведических сочинений отсутствует, а принимаемые относительные датировки условны и весьма различны. Некоторые исследователи относят их к IV—III тысячелетиям до н.э., а иногда и к более отдаленной эпохе. Так, например, Б.Г. Тилак, на основании астрономических данных, содержащихся в Ригведе, относил составление этого сборника к V тысячелетию до н.э.(44) Другие датируют их рубежом II и I тысячелетия до н.э. Однако отдельные гимны, по их мнению, восходят еще ко времени индоиранской общности. К примеру, исследователи обнаруживают близость Ригведы с иранской Авестой — собранием священных книг зороастризма, и полагают, что, она сложилась не в единой этнической среде, а в результате синтеза творчества многих племен.

С каждым из четырех сборников Вед связаны упанишады. Упоминаемая здесь Чхандогья упанишада, как уже сказано, принадлежит к упанишадам Самаведы, которая представляет собой в основном те же гимны Ригведы, снабженные нотацией. Упанишады — стихотворные и прозаические религиозно-философские трактаты — так наз. «должное знание», которое получает ученик, сидя у ног ура-*ni-sad* учителя, из уст учителя,— сокровенное знание», доступное только посвященным,— наставления умозрительно-отвлеченного характера: рассуждения и поучения мудрецов, аллегорические толкования ведических мифов и обрядов, в значительной степени натурфилософского, а также этического плана — проблемы познания человеком самого себя и окружающего мира.

Данные науки о близости древнеиранских и древнеиндийских племен основываются прежде всего на близости их языков. В тот отдаленный период они поклонялись одним и тем же богам, совершали одинаковые обряды, имели сходные мифы, пели сходные гимны. «В создании единой культуры ведийских племен большую роль сыграл санскрит, ставший языком межплеменного общения» (45).

В основном на эпическом санскрите (*sanskṛta* — «обработанный») создана классическая, религиозная, научная литература древней и средневековой Индии, являющаяся огромным вкладом в общечеловеческую культуру. До середины XIX века санскрит считали общим предком индоевропейских языков. Автор недавно опубликованной в газете «Чаваш ен» статьи П. Баринов называет санскрит «родоначальником всех современных языков» (46). Мне неведомо, кто есть «П.Баринов» но его толкования не кажутся мне убедительны. Тем более неприемлемо утверждение, что «Древняя Индия — колыбель человечества, родительница всех других языков и народов...» ничем не подтвержденная фраза. Даже авторы фундаментального труда об индоевропейцах и их языке (о реконструкции индоевропейского праязыка и протокультуры) акад. Т. В. Гамкрелидзе и доктор филологических наук В. В. Иванов, признавая древнейшим очагом цивилизации Переднюю Азию, откуда культурные достижения человечества продвигались различными путями на Восток и на Запад, вовсе не претендуют, как авторы новой

теории, на обладание абсолютной Истиной (47), в отличие от автора статьи в газете «Чаваш ен».

«...Наука движется во тьме незнанных глубин мира подобно слепцу с протянутыми руками, осязая неясные контуры», — заметил ученый палеонтолог, доктор биологических наук и писатель-фантаст И.Д. Ефремов.

Я не настаиваю, что приведенный мной сюжет; из упанишады целиком и полностью относится к чувашскому языку. Но пусть бы он послужил для кого-нибудь из исследователей в какой-то мере контуром — определенным путеводителем для новых изысканий. Названия указанных в стихе богов не должны

никого смущать. 15 ведическом пантеоне насчитывалось «от 33 до 33 с лишним сотен» (48) различных божеств, и часто названия и функции их менялись. Воплощением солнца, например, были Сурья, Савитар, Пушан, Митра, Вишну. Бог-громовержец, царь богов и бог войны Индра, по другим представлениям, был связан с воздушным пространством и назывался Ваю. Праджапати поклонялись как богу-творцу, его дочерью считалась Самити, понимаемая как «народное собрание». И т.д. И ведизму, и религии древних иранцев были присущи сходные представления о рае и аде (куда можно было запросто сходить и вернуться, повидавшись с кем нужно, как и в чувашских сказках), культы огня, предков, использование, при важнейших жертвоприношениях опьяняющего напитка сома (у иранцев хаома). «Заклание лошади как наиболее желанной и ценной жертвы было характерно для древней религиозной практики арийских племен (пришедших в Индию после сер. 2 тыс. до н.э.— В.П.); особое предпочтение отдавалось белым лошадям», — все эти особенности «были связаны с зороастрийской религиозной традицией» (49)

О том, что традиционное вероисповедание чувашей — религия Тура — представляло собой разновидность зороастризма, говорилось еще в трудах дореволюционных авторов (А.Ф.Риттих, В.А. Сбоев и др.). В Приложении к «Материалам по этнографии России» (1910), т. наз. «Статистической таблице Казанской губернии по племенам и исповеданиям» за 1868 г. указано, что число лиц, отмеченных как «язычники» и придерживавшихся «учения Зороастра с примесью фетишизма и шаманства», по чувашским уездам составляло 6812 чел., по всей Казанской губернии — 13376 чел. и сделано примечание: «Число язычников, при внимательном расследовании каждого прихода, вероятно, окажется гораздо больше» (50).

Не распространяясь более о связях древних предков чувашей с цивилизациями Древнего Востока, о взаимоотношениях их с населением Ирана, Индии, Передней и Средней Азии, а также о зороастризме, пронизывавшем насквозь культуру, всю жизнь чувашей до их насильственной христианизации, не преодоленном полностью и после приобщения их к православной церкви, с удовлетворением отсылаю читателей к материалу, приведенному в только что вышедшей в свет книге искусствоведа акад. А.А. Трофимова о чувашской культовой скульптуре (51), а также ранее опубликованным трудам сотрудников Чувашского государственного института гуманитарных наук (быв. Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской Республики) — того же А.А. Трофимова (52), И.А. Дмитриева (53), М. Г. Кондратьева (54) и др.

Не будучи специалистом, не берусь делать никаких выводов. Однако приведенные здесь факты, пусть не все, но хотя бы некоторые, должны, мне кажется, привлечь внимание исследователей. Проблема перед ними настолько сложная, запутанная, неоднозначная, что наивно было бы надеяться на ее скорое и окончательное решение.

Современная наука располагает достаточными данными, чтобы признать еще одним — пятым — центром человеческой цивилизации древние Бактрию и Маргиану

и доказать его безусловное влияние и на Восток, и на Запад. С этих позиций необходимо станет ревизовать выводы не только чувашеведческой пауки. Это будет еще одна чрезвычайно важная проблема. Время приносит все новые доказательства того, что человечество едино. В подавляющем большинстве случаев народы постоянно или периодически взаимодействовали между собой, перемещались на новые территории, порой расширяя ареал обитания, иногда вытесняясь более воинственными конкурентами. Как можно четко определить, каким образом развивались общественные системы: прогрессивно, регрессивно, чередующимися периодами подъема и упадка или сохраняли стабильность, застыв на определенном уровне? Пора запретов на неудобные для исследования вопросы, слава Богу, прошла. И наука обязана их осмысливать, искать на них ответы, помня при этом справедливое предупреждение А.С. Пушкина о долге историка: изыскивать истину с усердием и излагать ее без криводушия, не стараясь льстить ни силе, ни модному образу мыслей. В последнее время у нас, к сожалению, стало модным жадно выискивать все то, с чем можно было бы «пристегнуться» к тюркскому миру. Невольно задаешься вопросом: *qui bono?* В чьих интересах это повальное увлечение интеллигенции тюркизмом? И не пора ли опомниться? Ведь известно, что крайности неизбежно приводят к грубым ошибкам. По поводу же притязаний отдельных нечувашских авторов отрешить чувашей от болгарских предков, приписать все наследие волжских болгар татарам (55), можно напомнить очень точное замечание Мустая Карима. Не могу нецитировать его, так как оно соответствует моим мыслям. Он сказал, что иные представители национальных культур в пылу «патриотизма» «пытаются то прибавлять возраст своему народу, во что бы то ни стало доказать его древность, то приписать исторически ему не принадлежавшее, то осенять его особыми сказочными подвигами, как будто у него мало подлинно своего — выстраданного и завоеванного, чем следует гордиться и чему радоваться... Есть еще другая досадная тенденция — вытянуть из общего узорчатого ковра свою нитку, вырвать из общей домры свою струну, вынуть из общей песни свою строку. Что же тогда станет с тем ковром, с той домрой, с той песней, которые разные племена и народы издревле сообща ткали, сообща настраивали, сообща слагали? Этим иной раз увлекаются некоторые мои тюркоязычные братья... Подобное мелкое стяжательство, на мой взгляд, недостойно и ущербно» (56).

Вряд ли все, над чем я тут размышляла, соответствует «исторической реальности». Но познание мира собирается крупинками, и никакая крупинка не бывает лишней. Льщу себя надеждой, что такая «крупинка» здесь найдется. Кое-кто может упрекнуть меня в том, что свернула от принятого направления поисков в сторону, отступила от стереотипов, по это была моя цель. На упреки могу ответить лишь словами восточного поэта: «Невелик разум человека, который умеет ходить только прямо и не подбирает золота, если оно лежит немного в стороне». В конце концов Истина, когда она откроется, все расставит на свои места. А на пути к Истине лучше высказать спорную мысль и двинуться хотя бы на шаг вперед, чем повторять бесспорное и стоять без движения. Но воз надолго застрянет на месте, если и среди светлых умов все еще будет модно популярное резюме «этого не может быть, потому что не может быть никогда».

Хорошо, что память у нас не окончательно иссякла: мы чтим великих и славных предков, помним, что по сие время живем в их сени. И хорошо, что есть чувствительные души, которые время от времени нам о них напоминают. Не все, что пишется о прошлом, научно, не все приемлемо. По возмущаться по поводу каждой

высказанной мысли, «стрелять из пушки по воробьям» — достойно ли это для наших маститых ученых, академиков, профессоров? Не лучше ли спокойно поправлять ошибающихся, не оскорбляя и не унижая человеческого достоинства? Не лучше ли

поступать так, как рекомендовал А.С. Пушкин? А великий мудрец и любимый поэт писал: «Заклучим искренним желанием... чтобы... Академия...ободрила, оживила отечественную словесность, награждая достойных писателей своим покровительством, а недостойных — наказывая одним ей приличным оружием: невниманием» (57). То есть, как мы сказали бы ныне, игнорированием.

Литература:

1. Бэр К.М Избранные работы.Л., 1924. С.Х.
2. Дмитриев В.Д. О происхождении и формировании чувашского народа //Халах шкулё —Народная школа. Чебоксары, 1993. № 4. С.1.
3. Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории. Чебоксары, 1965. С 18.
4. Дмитриев В. Д. Указ. соч. С. 4.
5. Акимова М.С. Палеоантропологические материалы с территории Чув.АССР // КСИЭ. XXIII. М., 1955. С. 82, 86.
6. Алексеева Т.И. Антропологический тип населения Чувашии // КСИЭ. XXIII. М., 1955. С. 97—100.
7. Дмитриев В.Д. Указ. соч. С. 2.
8. Weltchronic ijeschrieben in 334. Leipzig, 1880; Iieber Gienerationis. MGH— AA.IX; Добрев П.Д. Прабългарите: ироизход, език, култура. Нов прочит. София, 1991 С. 7—16.
9. Цит. по: Добрев П. Указ. соч. С. 33.
10. Бартольд В.В, Сочинения Т5 (Справочник географических наименований). М., 1950.
11. Кумекон Б. Государство кимаков. М., 1979. С 203-205.
12. Минаев А. Сведения о странах по верховьям Окса. СПб., 1879. С.212.
13. Добрев П. Указ. Соч. С.62.
14. Там же. С.63.
15. См.: Федотов М.Р. Об арабских и персидских заимствованиях в чувашском языке// вопросычувашского языкознания и литературоведения : Уч. Зап. ЧНИИ Чебоксары, 1963. Вып 26. С 89-124; Скворцов М.И. Еще раз об арабско-персидском вкладе в чувашскую лексику//Уч. Зап. ЧНИИ/ Филология. Чебоксары, 1969. Вып. 39. С.139-155; Андреев (Урхи) Н.А. Иранско-чувашские этнокультурные и языковые параллели// Чувашский язык и литература/ Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1975. Вып 59. С 91-113; и др.
16. Андреев (Урхи) Н, А. Указ.соч С.91-112.
17. Токарев С.А. Этнография народов СССР. М., 1952. С.9
18. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. Изд. 2-е, испр. И доп. М., Высшая школа, 1969. С. 239, 241.
19. Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928. С. 5. Цит. По Баскаков Н.А. Указ. Соч. С.239,241..
20. Баскаков В.Д. Указ. Соч. С.241.
21. Дмитриев В.Д. Указ. Соч. С. 2
22. Цит. По Артамонов М.И. История хазар. Л. 1962. С. 83.
23. Федотов М.Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч1,2,3. Чебоксары, 1980, 1983, 1986.
24. Серебренников Б.А. К истории звуков чувашского языка// Уч. Зап. ЧНИИ. Вып. 14. Чебоксары, 1956. С. 84-85.

25. Токарев С.А. Указ.соч С9.
26. История Чувашской АССР. Изд2-е Чебоксары, 1983. Т.1. С.26.
27. Там же. С. 33.
28. Там же С42.
29. Цит. По Захаров Д. Вятка и Булгар. Географические названия Вятской земли как источник исследования этногенеза волжских булгар.// По родному краю: Сборник краеведческих материалов. Киров, 1991. С. 76.
30. Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. Больше Тарханский могильник. М., 1964. С. 176.
31. Захаров Д. Указ.соч.С.84.
32. Там же С. 82.
33. Андреев (Урхи) Н.А. Указ. Соч. С.,112.
34. См. Захаров Д. Указ. Соч. С. 85-88.
35. Димитриев В.Д. Указ. Соч. С.6.
36. Захаров Д. Указ. Соч. С89.
37. Ашвины-Диоскуры// Миллер В. Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой. Т.1 1876. С.127.
38. Там же. С1.
39. Махабхарата. Книга вторая. Сабхапарва. Или Книга о собрании// Литературный памятник. Изд. АН СССР, М.-Л, 1962. С. *,. 205, 205, 211.
40. Седловская А.Н. Этноним савара//Этнонимы. М., 1970. С.109-112.
41. Димитриев В.Д. Указ. Соч. С1.
42. Анагарика Говинда, лама. Психология раннего буддизма. Основы тибетского мистицизма. СПб., 1993.С.201.
43. Чхандогья упанишада // Памятники письменности востока. Т.6 М., 1965. С.69 (12гл., ст. 3,4 и 5).
44. Tilar V.G. Orion/ Bombay? 1893. The Arctic Home in the Vedas. Poona – Bombay, 1903.
45. Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Древняя Индия. Исторический очерк. М.,1969.С.,130.
46. Баринов П. Санскрит – праязык всех народов мира //Чаваш ен Дек. 18-25. 1993 с 51 №10 с.
47. Сь.: Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т.1-2. Тбилиси, 1984.
48. Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Указ. Соч. С.181.
49. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Загадки истории древних ариев. М., 1974. С. 74, 107.
50. Материалы по этнографии России. Изд Этнографического Русского музея имп. Александра 3. Спб., 1910. Т.1. Приложение.
51. Трофимов А.А. Чувашская народная культовая скульптура. Чебоксары, 1993. 240С.
52. Трофимов А.А. Поиски истоков чувашской вышивки// Труды ЧНИИ: Чувашское искусство. Вып.1. Чебоксары. 1971.С. 68-106; он же. Космогонические представления древних чувашей и отражение их в орнаменте вышивки // Труды ЧНИИ: Чувашское искусство. Вып. 3 Чебоксары, 1976. С.3-52; он же. Орнамент чувашской народной вышивки. Вопросы теории и истории. Чебоксары, 1977. 112С; он же Антропоморфизация модели мира и народный женский костюм чувашей // Актуальные

вопросы истории и теории чувашского искусства: Труды ЧНИИ. Вып. 90. Чебоксары 1979. С.3-44; он же. Истоки общего очага культуры// Чаваш ен. Авг.31, 1992 с. 24-25№ и др.

53. Димитриев И. А. К вопросу изучения чувашских обрядов в этноатеатроведческом аспекте // Национальное и народное в чувашском искусстве. Чебоксары, 1993. С. 71-126.

54. Кондратьев М.Г. Чувашская савра юра и ее татарские параллели. Чебоксары, 1993. С.17-18.

55. Закиев М.З., Кузьмин-Юманди Я.Ф. Волжские болгары и их потомки. Казань, 1993; и др.

56. Карим М. Из статьи в Литературной газете за 29 янв. 1986 г. С.6

57. Пушкин А.С. Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности как иностранной так и отечественной // Современник, 1836.. Кн. 3.

* В ссылках на Анонимный хронограф н Ашхарацуйц.

доверяюсь тексту П. Добрева, поскольку названных источников в моем распоряжении, к сожалению, нет,—В.П.